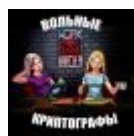

Карантин заражённого блока / Nab Fever Lockdown (рассказ)

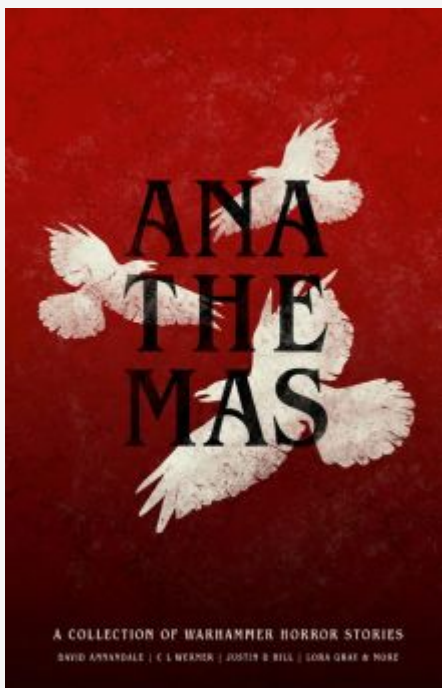
Перевод коллектива "[Вольные Криптографы](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Вольные Криптографы". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Карантин заражённого блока / Nab Fever Lockdown (рассказ)

Автор	Джастин Хилл / Justin D. Hill
Переводчик	Не Альфарий
Редактор	grodneng , Фёдор Клинов
Издательство	Black Library
Серия книг	Warhammer Horror
Входит в сборник	Анафемы / Anathemas
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат

Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Твоя девушка, Тарья, поднимает себя с кровати, проводит рукой по волосам, чтобы развязать спутанные волосы, и кашляет. Это первое, что она делает каждое утро. Она садится и наклоняется над плевательницей, затем вытирает рот внешней стороной рукава.

— Думаешь, у меня чума?

— Да, — безучастно скажешь ты, как делаешь это каждое утро. — Ты откинешься еще до отбоя.

Тарья берёт холодную похлёбку и проглатывает её. Её путь на работу проходит через Девятый контрфорс. Смотритель наказывает всех, кто опаздывает. Она запивает еду мутной очищенной водой и натягивает свою обувь. Вот и всё, она готова идти. В городе-улье нет погоды. Один и тот же климат. Это всё, что здесь есть: подъём и отбой, работа и сон.

Когда она идёт к двери, ты протягиваешь руку, чтобы удержать её.

— Позже, — говорит она и вырывается из твоей хватки. А затем она уходит.

Твоё имя Арвид. Твой родной улей — Панксир, континентальное скопление шпилей, которые тянутся подобно зубчатым горным хребтам. Каждый из них высотой больше мили, со своими собственными предгорьями дочерних шпилей и поднимающимися контрфорсами.

Твой шпиль — Рамсей 893. Это новое сооружение, которому всего несколько сотен лет, и оно всё ещё растёт вверх подобно вулканическому острову, возвышаясь над горами шлака, что остались после выработок.

Твой блок расположен в Зелёной Арене 36. Семнадцать уровней над основанием комплекса. Балконы возвышаются, словно амфитеатр, и они усыпаны узкими коридорами и террасами. Они построены недавно, но улей уже начал оседать, а дверные проёмы деформировались. Полы в потёртостях, а из-за сырости прогнивают перекрытия. Всё это место пропахло плесенью. Но это ваш дом, и это лучшее, что вы можете себе позволить.

Ты выходишь из своего блочного перехода под шум площади. Это беспокойная и оживлённая общественная зона, где продавцы, торговцы и барыги выстраиваются вдоль главной улицы со своими товарами на небольших квадратных полотнах. Старушки толкуются рядом с продавцами снеди. Рубщик жаб работает непрерывно: зацепляет, убивает и свежует, а затем бросает ноги в одну сторону и отходы в другую.

Ты поворачиваешь налево и направляешься вниз по широкому туннелю-стволу к шахтным порталам. Эти огромные вертикальные залы являются главными артериями, проходящими через улей. Они несут воздух, который оставляет вас всех в живых. На вкус он неясно наполнен чем-то извне. В зависимости от внешних климатических явлений вы иногда чувствуете пепел на его течениях, иногда ощущение мелкой землистой пыли. Стены этих помещений из сырого камня, густо покрытого мхом и порослью, и с них капает вода. Но металлические лестницы уже ржавеют.

В это время проходы всегда переполнены. Все идут по своим делам. Твои ноги барабанят по металлическим ступенькам. Местами они уже гладкие и скользкие, и кто-то насыпает песок, чтобы

улучшить сцепление. Это одно из преимуществ только что построенной колонии. Люди присматривают друг за другом. Банды ульев не подтянулись. Цинизм ещё не овладел всем.

Ты появляешься в надшахтной площадке за десять минут до спуска в ствол. Быстро переодеваешься в снаряжение шахтёра и становишься в очередь к лифту. Лифтёр — это мужчина с бычьей шеей, с круглым упитанным лицом и головой, опускающейся в широкие плечи. Он не любит шахтёров. Он всех не любит, и он сердито смотрит на тебя, проверяя, нет ли на тебе чего-нибудь металлического.

Искра в пропитанных метаном ямах разнесёт вас всех в фарш.

Когда всё готово, он кричит «Заходи!» и использует прут, чтобы втиснуть туда последних нескольких человек. Он потянул и закрыл раздвижную решетку. Вы прижаты щекой к щеке, как тараканы в консервной банке. «С верой в Императора!» — кричит он, нажимая на кнопку лифта и освобождая удерживающие зажимы, и сразу же лифт резко дёргается вниз.

Это отвратительное чувство. Вы свободно падаете в основание улья. Только на последних ста метрах включаются тормоза. Резкое замедление заставляет ваши колени подгибаться, но вы все прижаты слишком близко, чтобы упасть. Амортизаторы скулят и визжат, а лифт окутывает запах горящих тормозных колодок.

Ты чувствуешь себя отвратно, когда вываливаешься наружу. Дама внизу невысокая и пухлая. Она сосчитает тебя в общей массе, а затем даст звонком знать, что всё в порядке, и лифт снова начнёт подниматься.

Смотритель Чината занимает кабинет внизу. Её маленькое желтоватое личико смотрит на тебя из зарешечённого окна. Она протягивает тебе твой шахт-тег. Каждый из них имеет свой номер, который указывает, в каком именно забое ты сегодня работаешь.

«65-V», — заметил ты с облегчением. Так что сегодня будет не так уж плохо.

Ты садишься на ленточный транспортёр, следующий до головной части шахты. Стены выкопанных туннелей представляют собой мешанину, состоящую из гниющих подпорок кокосовой пальмы, пресованных блоков, дешёвых кирпичей из скалобетона, гофрированного железа, строительных плит и спрессованного древесного волокна кокосовой пальмы. Тем не менее, это дёшево и доступно, чтобы делать нашу работу.

Последние сто метров ты ползёшь на животе, а шахта подпирает тебя чуть выше головы. Кирки ждут там, где их оставила последняя смена. Ты поднимаешь одну из них, а деревянная рукоять влажная от чужого пота.

Время — деньги, и у тебя есть работа, которую нужно выполнить.

Твое рабочее время наполнено потом и трудом, тяжёлой работой, опасностью. Ты — часть команды. Вы полагаетесь друг на друга, чтобы выжить. Одна команда продвигается вперёд, и, когда они проходят десять футов, в дело вступают шахтные монтажники, чтобы укрепить грубо изогнутый потолок подпорками из сжатых волокон кокосовой пальмы. Они достаточно прочные, чтобы выдержать огромный вес, и достаточно упругие, чтобы не развалиться на куски под давлением.

Это дурацкая, грязная работа. И ты никогда не сможешь смириться с тем фактом, что весь улей давит тебе на голову, и с тем, что вы прорубаете себе путь в спрессованных обломках прошлых тысячелетий.

Навозная яма из отходов жизнедеятельности, пластекового хлама, ржавого железа и редких фрагментов полезных технологий, которые выпадают из этих отбросов со всей эффектностью сверкающих драгоценных камней.

Когда ты останавливаешься перекусить, пятнадцать человек из твоей смены сидят вместе, склонив головы над ланч-боксами из прессованного крахмала, старыми контейнерами из-под фицелина или переработанными детонаторами. Каждый из них, как и твой, завёрнут в завязанную узлом ткань. Ты развязываешь тряпку и кладёшь её себе на колени, чтобы грязь не попала на еду. Новые опоры из кокосовой пальмы скрипят, когда вес улья нависает над вами. Раньше этот звук пугал тебя, но ты слышал его так много раз, что твой страх притупился.

Если ты сможешь услышать дрожь улья, значит, уже слишком поздно. Ты стараешься не думать о том, что на вас давит груз отбросов и разложения. Он может раздавить тебя, как вошь, если бы его можно было чем-то побеспокоить. Но улей не заботится о такой пешке, как ты. Он огромен, древен, и ещё переживёт твой прах. Для него ты, фактически, всего лишь удар сердца.

В вашей рабочей бригаде нет взаимного тепла. Честно говоря, вы не особенно нравитесь друг другу. Вы — группа, собранная вместе простой необходимостью выжить. Вы как ветераны войны — сталкиваетесь со смертью каждый день, полагаетесь друг на друга. В это время, как правило, никто не разговаривает. Но новости терзают всех вас. Они свербят в ваших затылках, пока кто-нибудь не будет вынужден что-то сказать.

— Слышали предупреждение о чуме?

Ты его получил. Оно похоже на приближающийся отдалённый гул дрожи улья.

— А как она сюда попала? — спрашивает другой.

Большинство качают головами. Они не в той должности, чтобы знать такое. Но затем болтуны начинают распускать слухи.

Есть чума гниения, чума плоти, чума очищения. Но никто не знает, какая именно на этот раз. Всё, что они знают — она попала на планету транспортником с коксом, который возвращался из внешних торговых путей. В первую очередь пострадал космопорт, куда прибыл зараженный грузчик. Он спустил свой заработок на шлюх, грог и все остальные удовольствия, которые могла предложить орбитальная станция вроде Синтауна.

— Вероятно, он заразил сотню той ночью. Они заразили ещё тысячу. Власти закрыли шлюз в Синтаун и выкинули всех в верхние слои атмосферы.

Ты думаешь об этом, пока жуешь. Десять, двадцать тысяч человек исчезли в пустоте космоса.

— Никаких полумер, — говорит старший бригады. — Если она дойдёт до улья, мы все обречены. Они запечатают нас и подождут десятилетие. Миллиард жизней. Не моргнув глазом. — И он щёлкает пальцами для выразительности.

Каждый вложил свои два кредита в обсуждение, и вы снова замолкаете, пережевывая и глотая пищу.

«Чума», — думаешь ты. Ты бы предпочёл, чтобы улей упал тебе на голову. Хотя иногда ты задаёшься вопросом, ради чего именно ты пытаешься выжить. На твоей доле не будет никаких хороших изменений. Никаких реальных шансов на что-то получше. Лучшее, на что ты можешь надеяться — это то, что жизнь

не станет хуже. «Могло бы быть и хуже», — твердишь ты себе, и ты прав. Всё может быть намного, намного хуже. И на самом деле, единственное, в чём ты уверен, так это в том, что *будет* хуже.

Но худшее может подождать. Теперь вы можете сидеть, отдыхать и есть в тишине. Это пресное, безвкусное месиво. Вы едва можете позволить себе соль, которая делает его съедобным. Вы всё ещё жуёте последние липкие остатки, когда раздаётся звон. Теперь уже нет времени на всё это, и неважно, успел ты или нет.

Уже темно, когда ты возвращаешься в свой блок. На верхних уровнях прорвало трубу, и в общем проходе грязные сточные воды уже разливаются вокруг твоих лодыжек. Они стекают вниз по лестнице, как водопад, и плещутся под дверью твоего жилого модуля, когда ты толкаешь её.

Со всплеском дверь закрывается. На кровати виднеется силуэт.

— Тарья?

Ответа нет. Ты мертвецки устал. Раздражение смешивается с беспокойством. Эта комбинация тебя беспокоит.

— Тарья?

Ты сбрасываешь свои мокрые ботинки. Скалобетон под ногами холодный и шершавый. Койка, которую вы делите, задвинута в дальний угол. Ты счастливчик. Другие спят на полу, как крысы. Вы не крысы.

Она раскинулась на кровати. На мгновение тебе кажется, что она мертва. Но тут рука слабо шевельнулась.

Голос хрипит. Это совсем на неё не похоже.

— Арвид?

Она тянется к тебе. Или она просто отгоняет тебя? Ты положил руку ей на лоб.

— Меня укусили.

Она высовывает ногу из кровати. Нога покраснела и распухла.

— Это была желчная крыса. — Она кашляет, и ты наливаешь воды в чашку, чтобы дать ей. После стерилизатора она коричневая и отдаёт химикатами. Крысиный яд выбивает тебя на день или около того. Но потом ты поправляешься. Ничего серьёзного.

— Как тебя укусили?

Она с трудом приподнимается и садится, подтянув колени к груди. Её подбородок покоится на коленях. Рабочие брюки заляпаны, босые ступни покрыты грязью улья, ногти окружены полумесяцами из грязи. Её лицо распухло от слёз. Под глазами пурпурные мешки, а на верхней части щек блестят капельки пота. Она судорожно глотает. Её левый глаз налился кровью.

— Неважно как, — огрызается она. — Меня укусили. Понятно? — Бледно-красные глаза смотрят на меня. — Меня укусили, а тебе плевать.

— Мне не плевать. — Тебя это действительно заботит, но она такая вредная, когда болеет. — Дай

посмотрю.

— Нет.

— Я хочу посмотреть.

Она сердито смотрит на тебя из-под своей чёлки. Она решает, что ты не врёшь, и позволяет тебе взять её правую ногу.

Её кожа горячая. Плоть вокруг сморщенных свежих отметин укуса распухла, стала пурпурно-жёлтой и воспалённой, агрессивно-красного цвета.

— Ой! — воскликнула она.

Ты недостаточно осторожен. Ты отпускаешь её ногу, и она падает на кровать. Ничего особенного, но достаточно, чтобы вызвать приступ боли в ноге.

— Трон! — шипит она.

— Прости!

— Да что ты?

Она смотрит тебе прямо в глаза. Ты видишь линию её носа, поднятые миндалевидные чёрные глаза, волосы, которые она заправила за уши, сгусток крови в левом глазу, который медленно растёт. Она смотрит прямо в твоё нутро. Она ищет истину, и ты смотришь ей сначала в один глаз, потом в другой, налитый кровью, а затем снова в первый.

— Извини, — снова говоришь ты.

Её ноздри раздуваются. Она поджимает губы, кивает и почёсывает опухлость с обеих сторон.

— Это сводит меня с ума. Даже когда я не трогаю это место, оно так чертовски зудит! — фыркает она. — Я этого не вынесу.

— Спи, — отвечаешь ей ты. — Давай посмотрим, что будет утром. Я могу сходить за лекарством.

— А мы можем позволить себе лекарства?

«Нет», — подумал ты. Не можем. Она потеряла работу и ничего не зарабатывает. Тебе придётся дать взятку, подкупить кого-нибудь. Ты должен вкалывать за всех в этом дерьмовом улье.

— Конечно, — говоришь ты. — Спи.

— Я попытаюсь.

Она улеглась. Поток воды уже начинает отступать, оставляя полосу грязи там, где он однажды побывал. Ты используешь швабру, чтобы смыть воду, а затем скатываешь тряпку и на всякий случай кладёшь её под дверь, чтобы грязь не вернулась обратно. Твой желудок начинает стонать к тому времени, когда ты начинаешь варить себе пищу. Ты размешиваешь её. Она пресная и безвкусная.

«Желчная крыса!» — думаешь ты перед сном. Только этого тебе не хватало. Как она могла быть такой чертовски глупой? Она всегда подводит тебя в таком духе. Всё это в конечном итоге ложится на твои плечи.

Ночью ей очень жарко. Это делает тебя ещё беспокойнее. Ты отодвигаешься на край кровати, чтобы быть подальше от неё. Утром она вся вспотела. Плоть вокруг укуса испещрена фиолетовыми и красными пятнами. Кожа туго натянута с припухлостью под ней.

— Я чувствую себя отвратно, — говорит она и поднимает голову, чтобы посмотреть. — Становится только хуже.

Да уж. Это всё, что тебе нужно, думаешь ты. Но ты отвечаешь:

— Я пойду и найду лекарство.

— Что насчёт твоей смены?

— Отработаю двойную, чтобы наверстать.

Ей не нравится, что ты это делаешь. Двойные смены могут убить человека. Не только от истощения, но и от ошибок, которые делает уставший человек. Помни: в шахте — как на войне. Шахта голодна и безжалостна, она пережёвывает жизни. Но что еще ты можешь сделать? Если твоя девушка не может работать, то ты должен.

Ты доедаешь своё варево и отправляешься в путь. Снаружи царит нервная атмосфера. Продавец еды говорит тебе о чуме.

— Я слышал.

— Она уже здесь, на поверхности планеты.

Ты нахмурился.

— Я думал, что они зачистили Синтаун.

— Зачистили, — ответил торговец, — но после того, как вышли они — знать, у которых достаточно кредитов, чтобы купить себе отдельный выход.

— Невозможно, — говоришь ты. Но это жизнь в улье.

Он смотрит на тебя, как на идиота.

— Конечно же, это возможно. Только сегодня утром услышал. Все портовые уровни были опечатаны. Железные ограждения возводятся на высоту жилого блока. Полный карантин по всей зоне доков. Военное положение.

Ты выдыхаешь воздух и поднимаешь брови. Теперь это кажется серьезным.

— Думаешь, они её остановили?

Продавец смеётся.

— Сам как думаешь?

— Надеюсь на это.

— Я тоже, — говорит он.

Ты уже на полпути к пункту выдачи лекарств, когда раздаются сирены. Обычно они останавливаются

через пять секунд, но на этот раз они продолжают звучать. Сначала ты думаешь, что это ошибка. Затем ты остановился. Все замолкают, оглядываются по сторонам и смотрят друг на друга.

Когда сирена замолкает, начинает говорить голос.

Всем жителям вернуться в свои дома. Положение военного времени будет введено через 10 минут. По нарушителям будет открыт огонь.

Наступает момент полного шока, когда вы все осознаёте, что это значит, а затем все начинают кричать, бежать и отталкивать других с дороги. Ты крепкий и сильный, и у тебя мощные локти. Ты сделаешь это.

Команды силовиков уже заняли позиции на перекрёстках. Они вооружены и напряжены, их лица скрыты противогазами. Они уже кричат и толкают людей, их голоса искажены вокс-усилителями. Они перестали выглядеть и звучать по-человечески. Ты держишься как можно дальше от них, ведь ты не идиот.

Военное положение будет введено через семь минут.

Обратный отсчёт всё время повторяется. Люди паникуют. Все уже бегут. Ты заворачиваешь по туннелю к своей площади, чтобы сэкономить минуту.

Ты думаешь, что успеешь, но стрельба начинается раньше. Силовики беспощадны. Они так же паникуют, как и ты, и жаждут убивать. Они застрелили людей позади тебя. Крики и вопли вокруг. Тяжелая пуля выбивает искры из стены рядом с тобой, еще одна чиркает по твоим волосам. Кровь от человека рядом с тобой брызжет тебе на лицо.

Ты бросаешься в лестничный пролет, на четвереньках взбираешься по ступенькам и ползёшь по балкону. После вчерашней протечки на нем остались грязные лужи.

Ты добираешься до двери своего жилого блока в ужасе и изнеможении. Слышишь крик и осторожно выглядываешь из-за перил. Группа охранников тащит тело между собой. Это может быть продавец жаб. Ты не дожидаясь их, чтобы убедиться. Ты не настолько туп. Ты поворачиваешь ручку, вваливаешься внутрь, закрываешь её за собой и запираешь замок на два оборота.

Ты ожидаешь от Тарьи каких-нибудь слов беспокойства, но она просто лежит в своей кровати.

Её нога распухла, как у гниющей грязевой ящерицы. Она вся горит. Ты берёшь её запястье в свою руку. Она храбрая женщина, но ей очень больно. Ты можешь увидеть это в ее отчаянных глазах, когда она открывает их и пытается сфокусироваться на тебе, в скорости её дыхания, в том, как она цепляется за тебя, как будто ты можешь спасти её от этого.

— Это чума, — говорит она.

Ты качаешь головой.

— Ты думаешь, я заразилась? — шепчет она.

— Нет! — быстро говоришь ты.

— Ты достал лекарство? — спрашивает она.

— Нет. Введен карантин. Чума распространилась на весь улей.

Наступает долгая пауза. Она сглатывает и морщится. Ты чувствуешь себя беспомощным и глупым. Ты должен был свалить ещё вчера вечером. Это было бы так просто. Но теперь чума распространилась, введен карантин, и ты ничего не можешь сделать.

— Это всего лишь укус желчной крысы, — говоришь ты успокаивающим тоном.

Она кивает. Она доверяет тебе.

Ты шутишь, чтобы разрядить обстановку.

— Слушай. Никто ещё не умирал от укуса желчной крысы.

На этом её глаза открываются. Сгусток крови растёт. Она тоже пытается пошутить. Её голос — сплошной скрип.

— Может быть, я буду первой.

Ты говоришь ей, что никто не умирает от укусов желчных крыс. Она сжимает твою руку.

— Точно?

— Точно, — говоришь ты.

Она поджимает губы.

— Хвала Трону, — говорит она. Она начинает плакать. Кровь уже наполнила её глазное яблоко. Оно всё ярко-красное.

— Я так испугалась.

Теперь ты смеёшься.

— Не надо бояться, — отвечаешь ты ей. — Я позабочусь о тебе.

Ты даёшь ей весь дневной объём воды. Она с трудом сглатывает и снова опускается на кровать.

Пока она спит, ты пристально смотришь на рану. Ты изучаешь подтёки и неровные пятна. Вам всем рассказывали, как выглядит эта скверна. Серая кожа. Холодная. Сырая. Липкая.

Её болезнь — полная противоположность. Это вовсе не чума. Это всего лишь инфекция.

Ты не можешь вот так сидеть взаперти. Ты хочешь потеть, работать и зарабатывать. Думаешь о деньгах, которые мог бы заработать, и зеваешь. Ты устал. Ты хочешь уснуть, чтобы не беспокоить её. Дремота подобна падению в воду. Ты смертельно устал. Достаточно лишь закрыть глаза и позволить темноте охватить тебя. Ты не можешь злиться, когда спишь.

Когда ты засыпаешь, снаружи проходит патруль силовиков. Их вокс-устройства звучат не по-человечески.

Вы должны оставаться дома. По нарушителям будет открыт огонь. Заражение будет ликвидировано.

Ты слышишь это и поворачиваешься на другой бок. Они сказали, что введён карантин, как тебе кажется,

прямо перед сном, и ты поверил.

На следующий день всё то же самое. Вокс-усилители сообщают вам всем, что инфекция распространилась. *«Никто не должен покидать свои блоки. Нарушители будут расстреляны на месте»*. То же самое и на третий.

На четвертый день вдруг раздаётся звук выстрела прямо за вашей дверью. Это твои соседи. Ты слышишь голос соседа и проклятия от его матери, смешанные с резким криком силовиков. Крики затихают, а затем под вашей дверью начинает скапливаться тёмная жидкость.

Ты вытираешь это с отвращением. Тряпка становится красной. Ты понимаешь, что это такое, и бросаешь набухшую тряпку на пол, с отвращением вытирая руки.

Наконец ты приоткрываешь свою дверь. Перед дверью твоего соседа скопилась кровь. На двери была натянута лента силовиков.

— Они забрали их всех! — говорит старуха по имени Саббад. Она живет двумя пролётами ниже. Её дверь тоже приоткрыта, и она смотрит на тебя.

— Они были заражены?

Старуха помотала головой.

— Они пошли за едой.

Ты закрываешь дверь и снова запираешь её на засов. Это совсем не тот вариант, как ты бы хотел закончить жизнь. Но на пятое утро у вас кончилась еда, у Тарьи поднялась температура, оба её глаза покраснели, а подмышки и грудь покрылись потом.

— Кажется, я умираю, — шепчет она. Она наклоняется к тебе и обнимает обеими руками.

— Я собираюсь пойти, — отвечаешь ты ей. — Я принесу тебе тонизатор. На два уровня выше нас живет один торгаш. Моя мать часто ходила к нему. Я не знаю, жив ли он ещё, но, может быть, его сын взял на себя эту торговлю. Я пойду туда после наступления темноты.

— Это опасно, — говорит она.

— Со мной всё будет в порядке, — заверяешь ты её.

Она верит тебе, сглатывает и кивает. Ты уже принял решение. Ты не можешь долго сидеть в этой грязи.

— Точно?

— Точно.

Она закрывает глаза и расслабляется в твоих объятиях. Кредиты, что вы отложили. Ты возьмёшь их. Они спрятаны в углу, под плитой. Это твой секретный тайник. Ты беспокоишься, будет ли этого достаточно.

Её дыхание замедляется, напряжённость спадает. Ты чувствуешь тяжесть её головы, когда она прижимается к тебе. Ты помогаешь ей заснуть. Сны — прекрасная вещь в этом дерьмовом, очень дерьмовом мире. Когда приходит время, ты осторожно укладываешь её и накрываешь одеялом.

Через час после наступления темноты ты подслушиваешь у двери, а потом чуть-чуть приоткрываешь её.

Есть только слабый рассеянный свет, идущий снизу, с площади. Тишина и покой — теперь угнетающее чувство. Ты держишь свои кредиты в кармане, чтобы они не звенели друг об друга, поворачиваешь направо и скользишь вдоль стены как тень, напрягая чувства от любого намёка на силовиков.

По туннелю доносятся очень далёкие выстрелы. На лестнице полно ящериц. Они бросаются в сторону, когда ты приближаешься. Ты никогда не видел столько ящериц. Ты привык к этой темноте после работ в шахтах. Ты достигаешь нижнего уровня и держишься в тени, затем пробираешься к проходу и начинаешь красться по лестнице.

Это самая опасная часть. Стрельба звучит издали, но сам шахтный ствол опустел, нисходящий поток воздуха дурно пахнет. Отсутствие людей беспокоит тебя и сбивает с толку. Ты никогда не видел свой улей без людей. Ничто не выглядит правильно без людей. Теперь, когда улей пуст, он кажется огромным.

Огромным, холодным и абсолютно безынтересным.

Ты добираешься до нужного уровня и останавливаешься, чтобы сориентироваться. Ты весь вспотел. Ты вытираешь пот со лба, всё ещё сжимая в руке кредиты, и направляешься в аптеку на задворках улицы. Она заперта, а окна закрыты ставнями, но ты знаешь, что там есть задняя дверь, через которую тебя проводила мать.

Ты спускаешься по аллее. В углу сидит желчная крыса, поджав под себя шесть лап. Ты можешь услышать, как она жуёт. Из-за отсутствия людей она осмелела и не убегает от твоего взгляда. Ты шипишь на неё и тихонько хлопаешь в ладоши. «Кыш!» Очень медленно она поворачивается и протискивается в дыру в стене, пока не остаётся только её хвост, исчезающий за ней.

Тусклый свет просачивается из-под двери медпункта. Рядом с ней висит тот же знак.

От этого ты чувствуешь облегчение.

Дверь открывается перед тобой после негромкого стука. Тёплый свет настолько внезапен, что почти ослепляет.

Грубая рука тянет тебя внутрь.

— Чего тебе надо?

— Я пришёл за лекарством. Мою девушку укусила желчная крыса. У неё инфекция.

— Я вахтёр. Расскажи свою историю ему!

Рука проталкивает тебя сквозь плотную чёрную штору, и ты видишь внутреннее помещение. Красные огни отбрасывают слабый свет. Здесь были установлены маленькие круглые столики, за которыми выпивали парочки. За импровизированным баром сидит сгорбленный рабочий с бутылкой грога перед собой.

Рабочий поднял на тебя взгляд, когда ты проходишь мимо. Ты спотыкаешься о стул, убеждаешься, что не подходишь близко ни к кому из присутствующих, и подходишь к барной стойке. Мужчина позади протирает стакан, а ты опираешься на стойку. Это уже не тот аптекарь, которого ты помнишь. Он молод, худощав, в запачканном белом фартуке, повязанном вокруг талии на узел сбоку. Он не обращает на тебя

внимания, затем ставит стакан и идёт к тебе.

— Что я могу вам предложить?

— Мне нужен антисептик. Мою девушку укусила желчная крыса. Она вся горит, вся вспотела. Мне нужно что-то ей дать. Я думаю, что укус распространяет инфекцию. Прошло уже пять дней.

Он кивает, подходит к полкам позади себя и достаёт пузырёк с тёмной жидкостью.

— У тебя есть бутылка?

— Нет.

Твоя неподготовленность заметно раздражает его. Он поворачивается и уходит из поля зрения, потом возвращается с небольшой аптечной склянкой. Он сразу вымыл ее и стряхнул последние капли воды, затем наполнил ее и снова закрутил тусклым металлическим колпачком. Ты повторяешь за ним инструкции, и он кивает. Он говорит тебе цену, и ты платишь ему.

— Спасибо, — говоришь ты и поворачиваешься, чтобы уйти, но один из рабочих стоит прямо за тобой. Ты чуть не роняешь бутылку, когда натыкаешься на него. Он нависает над тобой.

— Собрался куда-то? — говорит он.

— Домой.

Его глаза помрачнели.

— Прямо сейчас?

— Да.

Он тычет пальцем в твою бутылку.

— А это что?

— Антитоксин. От укуса желчной крысы.

— Дай мне попробовать.

— Это лекарство, — говоришь ты, и запах из флакона говорит ему всё, что нужно знать.

— Мерзко, — шипит он, и ты спешишь мимо, но на твоём пути стоит другой мужчина. Один за другим они преграждают тебе дорогу. Ты протискиваешься мимо них, и последним перед тобой стоит вахтёр. Он кладёт руку тебе на плечо. Рука холодная и липкая на ощупь.

Он видит бутылку и улыбается.

— Не волнуйся.

Ты смотришь вниз, его плоть кажется пятнистой и серой в красноватом свете. Твой ум перерабатывает информацию. Его плоть серая, холодная и липкая...

— Да, — говорит он. — Мы все здесь заражены.

Тебе хочется кричать, когда ты протискиваешься мимо, распахиваешь дверь и вываливаешься в

переулок. Ты продолжаешь бежать сквозь тени. Ты уверен, что они последуют за тобой, но улица остаётся пустынной.

Когда ты уже находишься на безопасном расстоянии, ты осматриваешь свои руки. Они кажутся нормальными.

— Спасибо, придурки! — ворчишь ты, продолжая продвигаться, и не останавливаешься, пока не достигаешь лестничной шахты. Ты карабкаешься вниз по лестнице. Там патруль силовиков пробирается наверх, так что тебе приходится вылезать на опорную стойку, и ты сидишь там на корточках, едва осмеливаясь дышать. Они останавливаются у входа в твой туннель. Ты можешь услышать чирканье спички, а затем запах палочек лхо. Их вокс-болтовня звучит странно, нечеловечно.

«Ублюдки, — думаешь ты. — Идите дальше».

Твоя девушка больна. Тебе нужно вернуться. Ты просто паникуешь. Неужели чума так быстро проникла в улей? Неужели власти лгали вам всем? Может быть, весь улей уже заражён. Может быть, эти следы не серые и липкие, а горячие, как у Тарьи... Когда ты приседаешь, можешь почувствовать биение сердца в своих руках, настолько ты напряжён. Флакон лежит у тебя в руке, напряженной как струна.

Наконец они идут дальше, и ты медленно выбираешься из укрытия и спускаешься вниз по лестнице.

Твоё дыхание учащается, когда ты делаешь последние шаги на уровень выше к твоему блоку. Ты подходишь к своей двери и прижимаешься головой к стене. Стена прохладная и успокаивающая. Ты толкаешь дверь внутрь.

Тарья упала с кровати и лежит на полу. Она стонет, когда ты помогаешь ей подняться.

Она без труда поднялась тебе на руки. Она легка, как мешок с рудой, который может тащить ребёнок по туннелям. Ты откидываешь ногой покрывало и укладываешь её так же осторожно, как мать укладывает своего ребёнка в углу кабака. Ты даёшь ей глотнуть из склянки и сам пробуешь один раз, так, на всякий случай. Жидкость густая и сладкая, на вкус лучше, чем на запах.

Шок от смеси держит её глаза открытыми. Оба кроваво-красных глазных яблока смотрят на тебя.

— Что случилось?

— Ты выглядишь странно, — сказала она.

— Я — странно?

— Да, то, как ты на меня смотришь.

— Кажется, я заразился, — говоришь ты ей.

— Чем?

— Чумой!

Она двигается медленно, отталкивая тебя. Её налитые кровью глаза почти не похожи на человеческие.

— О чем ты говоришь?

— В медпункте... — говоришь ты и смотришь на свои руки. У тебя под кожей появились серые пятна. Они

проходят прямо под твоим рукавом. Бледно-серые пятна чешуйчатой кожи.

Её красные глаза смотрят на твою руку, а потом снова на твоё лицо.

— Я ничего не вижу, — говорит она и заставляет себя улыбнуться, но в этой улыбке нет ничего доброго. У неё опасный, хищный вид. — Там ничего нет, — говорит она.

Ты поднимаешься, в то время как она смотрит на тебя этим взглядом. Ты отодвигаешься от неё, когда она садится, наклоняет голову и говорит:

— Арвид, с тобой всё в порядке?

Ты спотыкаешься, и твоя рука касается чего-то холодного и твёрдого. Её рот шевелится, но звук этот уже не человеческий. Это похоже на рычание разъярённого зверя. Её зубы — это клыки. Её губы растянулись в оскале. Она заразилась, и она заразила тебя.

Ты сжимаешь нож в своей руке. Она произносит слово, которое вселяет ужас в твоё сердце. Инстинкт внутри тебя говорит чистую правду. Либо ты, либо она.

Только один из вас выберется отсюда живым.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Карантин_заражённого_блока_/_Hab_Fever_Lockdown_\(рассказ\)&oldid=25572](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Карантин_заражённого_блока_/_Hab_Fever_Lockdown_(рассказ)&oldid=25572)

Эта страница в последний раз была отредактирована 27 июля 2024 в 17:50.